

УДК 94(47).082

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И.С. АКСАКОВА И А.А. КИРЕЕВА

© 2016 г.

М.В. Медоваров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2015

Анализируется история взаимоотношений признанных лидеров среднего и позднего славянофильства – И.С. Аксакова и А.А. Киреева. Обсуждается вопрос о времени их знакомства. Особое внимание уделено проблеме влияния Аксакова на обращение молодого Киреева в 1860-е годы к славянофильской доктрине. Анализируются этапы дальнейшего сближения двух мыслителей в годы «шуваловщины», Балканского кризиса, русско-турецкой войны и революционного террора в конце правления Александра II, а также наметившиеся между ними разногласия в эпоху «Руси» (1880–1886). Рассмотрены постоянные попытки Киреева синтезировать учения И.С. Аксакова и М.Н. Каткова и критические оценки этих попыток со стороны соратников по правому лагерю.

Ключевые слова: И.С. Аксаков, А.А. Киреев, М.Н. Катков, О.А. Новикова, «Русь», славянофильство, либерализм, консерватизм.

Если И.С. Аксаков (1823–1886) являлся бесспорным лидером славянофильства пореформенного периода (60-е – начало 80-х годов XIX в.), то столь же несомненной была и ведущая роль генерала А.А. Киреева (1833–1910) среди поздних славянофилов после кончины редактора «Руси». Хотя не следует забывать, что Киреев выдвинулся на первые роли среди славянофилов нового поколения уже с осени 1883 г., когда именно его программной статьей, вызвавшей отклики даже за рубежом, был открыт первый выпуск «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» [1]. Было бы естественно проследить, как Киреев и Аксаков – лидеры двух последовательных поколений славянофильства – относились друг к другу, как это воспринималось их современниками. Однако, вопреки ожиданиям, история взаимоотношений двух мыслителей ни разу не становилась предметом специального рассмотрения.

Прежде всего встает вопрос о времени знакомства Аксакова и Киреева. В 1840-е годы семья Киреевых находилась в самых тесных отношениях с семьями ведущих славянофилов, и именно тогда дети Александр (родился в 1833 г.), Ольга (родилась в 1840 г.) и Николай (родился в 1841 г.) Киреевы познакомились с Аксаковыми. И хотя в 40-е годы XIX в. молодой Иван Аксаков появлялся в Москве нерегулярно, но уже тогда он наверняка не раз бывал на вечерах в доме Киреевых и, по всей видимости, именно тогда и познакомился с Александром, который был моложе его на десять лет. Таким образом, с самого начала взгляды юного Киреева формировались в атмосфере раннего славянофильства. Позже, в

1876 г., А.А. Киреев вспоминал: «Блестящая была плеяда 40-х годов. Аксаков, Киреевские, Самарины, Погодин и в особенности Хомяков! ...Но они не бесследно прошли в нашем обществе, и следы их учения видны и поныне. Оно отразилось в реформе крестьянской и в славянских комитетах» [2, л. 117]. Действительно, именно в названных двух событиях славянофильство проявило себя на практике значительно более всего, именно в них в эпоху Александра II Киреев и его старший товарищ Аксаков двигали руку об руку.

Ряд документов, относящихся к 1859–1862 гг., из архивного фонда Киреевых свидетельствует о том, что их общение с Аксаковыми не прерывалось. Упоминаются и визиты друг к другу, и сотрудничество в деле помощи славянам. Любопытно, что когда младший из Киреевых, Николай, предложил обучать славянских детей музыке (Александр Киреев в это время был в числе учредителей Императорского музыкального общества), то Иван Аксаков возразил: «Специальное музыкальное образование в настоящее время для болгар и сербов есть ненужная роскошь: им нужно учиться музыке пуль и бомб». По вопросам же внутренней политики Николай Киреев полностью поддерживал призывы Аксакова к отмене цензуры и освобождению крестьян. «Парус», «Молва», «День» были постоянным чтением в семье Киреевых [3, л. 2; 4, л. 1–2].

Однако Александр Киреев был более критичен по отношению к тем взглядам, которые в начале 60-х годов пропагандировал «День». Испытывая отвращение от «аристократической», «олигархической» дворянской оппозиции с ее

печально известной газетой «Весть», он в то же время отказывался идти вслед за братьями Аксаковыми, если речь заходила об «отказе от всех сословных преимуществ» дворянства. В данном вопросе Кирееву в начале 60-х годов был намного ближе «Русский вестник» М.Н. Каткова, считавший, что наделение всех равными гражданскими правами еще не влечет за собой равные политические права [5, л. 45 – 45 об., 56 об.]. Степень близости Киреева к позиции «Русского вестника» и «Дня» в начале 60-х годов, безусловно, была различной. С Катковым Киреев лично познакомился и подружился в 1864 г.; в его глазах редактор «Московских ведомостей» был не просто гениальным публицистом, но и «представителем 9/10 нашего общества». К Аксакову из-за его антидворянского демократизма молодой Киреев относился куда сдержаннее. Тем не менее он сетовал: «Как жаль, что *Московские ведомости* и *День* в таких дурных отношениях! ...Теперь между ними вопрос поставлен так: Катков обвиняется в том, что он требует олигархической конституции, основанной на ограничении власти государя исключительно в пользу нескольких олигархов, „обезземеливании“ крестьян и уничтожении крестьянской общины и т.п. Аксаков в том, что он желает демократизма, прикрытого бюрократизмом с неограниченною деспотическою властью. Нечего и толковать о том, что оба обвинения неосновательны и преувеличены. Слияние *Дня* и *Московских ведомостей*, если б даже было возможно, но ни *Современник*, ни *Весть* не могут быть к ним присоединены!» [5, л. 45 – 45 об., 56 об., 81, 108 об., 141, 229; 6, л. 78 об., 93, 95, 96 – 96 об., 102, 108, 109 об., 115, 117, 118 – 118 об., 120, 126, 145, 146 об. – 147, 173; 7, л. 54 об., 60, 69, 115; 8, л. 19 об., 62 об. – 63; 9, л. 25 об., 36 – 37 об., 69 – 69 об.].

Известно, что в 1861–1865 гг. Киреев писал письма в редакцию «Дня» по острым экономическим и политическим вопросам (видимо, эти письма не сохранились) и даже лично просил Александра II не стеснять аксаковскую газету цензурными преследованиями, а, напротив, распространять ее через русских консулов в славянских землях. Однако цензурные притеснения «Дня» продолжались. «Каткова и Аксакова согнули в бараний рог, стало быть, опираются на *Современник*», – ехидно иронизировал Киреев над действиями правительства. Немаловажно, что в 60-е годы он довольно часто встречался и с самим Аксаковым [5, л. 81, 108 об., 141; 6, л. 108, 117, 120, 145, 146 об. – 147, 173; 7, л. 54 об.].

В 60-е годы Киреев отдалился от славянофильских идеалов своего детства. В 1866 г. он критиковал идеал славянофилов в своем дневнике: «Масса народа и царь в непосредственных

друг к другу отношениях, умеренных православною религиею и допетровскими традиционными обычаями. Очевидно, что такие отношения мыслимы только до тех пор, пока взгляд на царя был старинным “Царь – помазанник, представитель Бога на земле”, пока на царя крестились... Теперь глава народа превращается в чиновника, не всегда даже безответственного. Очевидно, что взгляд славянофильский не выдерживает более критики времени, что вся система превращается в такую, от которой содрогнулась бы детски-чистая душа Петра Киреевского и к которой открыл ее широкий ход Милютин и Ко». Именно «красного» Н.А. Милютин Киреев винил в «порче» славянофильства [7, л. 122 об. – 123 об.]. Лишь после разговора с Александром II 31 декабря 1866 г. Киреев назвал себя «настоящим москвитянином» и объявил: «Единственная форма правления, могущая спасти Россию, есть либерально-совещательная (древнемосковская)» [7, л. 132; 8, л. 1 об.]. Гораздо позже, в 1905 г., мыслитель так охарактеризует свою идейную эволюцию: «Ребенком я чувствовал правду славянофильского, древнерусского самодержавия середины XVI – до конца XVII столетия (самодержавие, вслушивающееся в голос народа), юношей эти неясные чувства я понял умом. У возмужалого мысли эти сложились в твердые убеждения; я им служил со всею данною мне энергией». Именно в конце 60-х годов окончательно сформировались воззрения Киреева на государственное устройство, в частности по вопросу о конституции и земском соборе. В 1910 г. мыслитель вспоминал, что в 60-е годы почти никто, включая Александра II, не понимал разницы «между славянофильским совещательным собором и западными камерами, наделёнными решительным голосом» [8, л. 1 об.; 10, л. 90 об.]. «Почти никто» в тех условиях означало – никто, кроме пореформенных славянофилов в лице И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, В.А. Черкасского.

Поэтому дату осознания Киреевым этого различия между славянофильством и конституционализмом – 31 декабря 1866 г. – можно условно считать датой его превращения в славянофила. Совершенно закономерно, что после этого момента его отношения с И.С. Аксаковым должны были выйти на новый уровень, что произошло, однако, вовсе не сразу.

Период издания Аксаковым газеты «Москва» (1867–1868 гг.) несколько омрачил его отношения с Киреевым, в то время все еще отягощенным пережитками дворянского либерализма и затянутым в авантюру с Обществом взаимного поземельного кредита. В результате этой авантюры представители «олигархиче-

ской» партии «Вести» взяли верх над Киреевым, что повредило его репутации в глазах семейств Аксаковых и Тютчевых. Киреев был очень расстроен таким непониманием и мечтал об организации журнала, совместного с Аксаковым и Юрием Самаринным [8, л. 19 об., 62 об. – 63]. Заслуживает внимания, что, когда дело дошло до закрытия «Москвы» по настоянию Тимашева, Шувалова и Валуева, Киреев делал все возможное, чтобы спасти аксаковскую газету. Но апелляция в Сенат не помогла, и единственным, чего смог добиться Киреев, было то, что император Александр II не наложил на Аксакова запрета выступать в других печатных изданиях [9, л. 25 об., 36 – 37 об., 69 – 69 об.; 2, л. 17 об. – 18].

Следующим этапом отношений И.С. Аксакова и А.А. Киреева стало их сближение во время балканских событий 1876–1878 гг. Брат Александра Киреева, Николай, пал первым из русских добровольцев на сербо-турецкой войне в июле 1876 г., и Аксаков сделал очень многое для его памяти и пропаганды его дела. Естественно, что Александр Киреев и его сестра Ольга Новикова сразу же стали тесно сотрудничать с Аксаковым в Славянских комитетах. В 1877 г. Киреев неизменно выражал восхищение речами Аксакова, называя его самым крупным авторитетом для русского общества после смерти митрополита Филарета и даже сравнивая его роль с ролью Фихте для немцев. Киреев был убежден, что «Аксаков действительно может говорить если не *именем народа*, то *за народ*», что в своей на шумевшей речи после Берлинского конгресса он выразил чувства всей России. Как известно, после этой речи Аксаков был отправлен в ссылку, а книгу Новиковой, цитировавшей эту речь, цензура не пропустила в печать даже два года спустя [11, л. 38 об., 78 об., 84 – 84 об., 152, 154, 164 об., 172 об.; 12, л. 113 об.].

Годы усиления революционного террора в России (1879–1881 гг.) ознаменовались новым сближением Киреева и Новиковой с Аксаковым, теперь уже на почве борьбы с либеральными, конституционалистскими и нигилистическими идеями среди молодежи. В ходе дискуссий Киреев и Аксаков пришли к общему мнению, что только облегчение цензуры и серьезное развитие философии на кафедрах в университетах могут стать противоядием от нигилизма. Первое крупное сочинение Киреева – записка «Избавимся ли мы от нигилизма?» – была написана в 1879 г. в результате постоянных консультаций с Аксаковым и Ф.М. Достоевским [12, л. 30, 31 об., 142]. Вместе с Аксаковым Киреев и Новикова активно способствовали первым публичным выступлениям и изданию сочинений молодого Владимира Соловьева.

Киреев восторженно приветствовал начало издания новой газеты Аксакова «Русь» в ноябре 1880 г. Он продолжал поддерживать Аксакова по внутривосточным вопросам, но из-за некоторых расхождений в других сферах Киреев, в отличие от своей сестры, так и не стал постоянным корреспондентом «Руси». Полное выявление всех публикаций Киреева в «Руси» остается делом будущего, но следует отметить, что в основном это были его статьи о православии и католицизме в рамках спора с В.С. Соловьевым. Аксаков не разделял приверженности Киреева к поддержке европейских старокатоликов, требуя от них немедленно перейти в православие. С другой стороны, самого Киреева Аксаков считал «слишком православным» [13, л. 285 об.]. Это было связано с тем, что генерал неизменно ставил начало православия в консервативной триаде выше начал и самодержавия, и народности. В этом вопросе Киреев строго следовал заветам основоположника славянофильства А.С. Хомякова – тем самым третье поколение славянофилов парадоксально сближалось с первым в противовес второму, аксаковскому поколению. В декабре 1885 г. Киреев писал редактору «Руси»: «Вы меня журите за то, что я из-за православия не вижу славянства... (Может быть, я и неправ относительно славяно-католиков, но они по-моему все немного смахивают на поляков...) Для нас, славян православных, религиозный интерес стоит уже потому на первом плане, что он послужит даже и к укреплению нашего славянского самосознания и единства... Конечно, до того еще не близко, но готовиться нужно издаека» [14, л. 3 об. – 4].

Разошлись два мыслителя и по вопросу о судах: хотя оба они призывали отменить институт адвокатуры в ее наличном виде, способствовавший продажности адвокатов, и сделать их «коронными чиновниками», но Аксаков был категорически против посягательства на основы судебной системы 1864 г. и суд присяжных, в то время как Киреев поддерживал замыслы Каткова по судебной контрреформе и даже идеализировал дореформенные российские суды. Имели место также расхождения между двумя мыслителями о тактике русской политики по отношению к славянам: Аксаков считал нереалистичным привить славянам идеал самодержавной власти и даже сам тяготел к древнерусскому, новгородско-псковскому идеалу, Киреев же настаивал на том, что славянофильское учение должно строго отстаивать московский самодержавный идеал [12, л. 185 об., 202 – 202 об., 223, 227; 13, л. 5, 22 об., 89–90, 153 об., 179, 310; 15, л. 31, 65 об. – 66, 75 об., 92 – 92 об.; 16, л. 7, 27, 85].

Немаловажно и то, что Киреев остался равнодушен к стараниям Аксакова подготовить созыв земского собора в 1882 г.: лишь двадцать лет спустя генерал сочтет этот призыв своевременным, но в годы министерства Н.П. Игнатьева он решительно отказался поддерживать аксаковские старания. Характерная черта: и в 60-е, и в 70-е, и в начале 80-х годов почти по всем вопросам, где был возможен выбор между позициями Аксакова и Каткова, Киреев тяготел к последнему. Напротив, в вопросе о необходимости созыва Вселенского собора православной Церкви Киреев был гораздо последовательнее и радикальнее, чем его оппоненты. Он полагал, что интересующий Аксакова вопрос о снятии клейма неканоничности с болгарской Церкви может быть решен только Вселенским собором. Эти разногласия видны из переписки последних месяцев жизни редактора «Руси», когда он не раз порывался бросить газету, но Киреев вместе с Игнатьевым и другими членами Славянского благотворительного общества убеждали его остаться на своем посту. Генерал убеждал Аксакова: «Русь совершенно необходима, в сущности у нас всего на всё два журнала, Русь и Московские ведомости, хоть вы там и ссорились когда-то, и теперь считаете самих себя представителями двух противоположных направлений, но вы оба стоите во главе так называемой *parti national, the Moscovite party, alt Rus-sen etc...*¹ ”Заграница” вас совершенно основательно ставит рядом, не замечая, не зная ваших внутренних раздоров (созыв земства, свобода печати и т.п.)» [14, л. 1 об. – 2].

Разногласия между Киреевым и Аксаковым становятся видны только сейчас, при исследовании архивных документов. Современники об этих расхождениях, как правило, не знали: два славянофила не выносили их на публичное обозрение. В первой половине 80-х годов Киреев неизменно продолжал чтить Аксакова как безусловного лидера славянофильства, правдивого и конструктивного критика власти, выразителя интересов России перед Европой. С удовлетворением Киреев отмечал, что Александр III в последние два месяца жизни Аксакова, хотя и согласился с вынесением ему цензурного предупреждения за резкие статьи по болгарскому и боснийскому вопросам, фактически прислушался к мнению «Руси» и отказался преследовать славянофила. Из дневника Киреева нам известно, что после смерти Аксакова император заявил, что простил его [15, л. 135 об., 137, 138 об., 148 об. – 149, 155 – 155 об.].

Сам Киреев воспринял внезапную кончину Аксакова как величайшее горе, однако скорбь не помешала ему уже на следующий день набросать тезисы об общественно-политических

взглядах умершего: «Как возликуют враги славянства. Смерть Аксакова большее несчастье, нежели смерть Скобелева. Аксаков *незаменим*. Катков весьма к нему близок, о многом они рассуждали одинаково, оттенок между ними один. Аксаков верит более обществу, нежели правительству, Катков – наоборот, от этого и разница между ними во взглядах на приглашение сведущих людей, на совещание с обществом, с его представителями. Но оба они за православие, за народность, за самодержавие, за освобождение крестьян, оба враги парламентаризма, враги „интеллигентов“, адвокатов, мироедов, но Аксаков был более популярен в славянских землях, он говорил громче, независимее, в том смысле, что не жалел нашего министерства иностранных дел» [15, л. 151–153, 161–163].

Спустя полтора года, когда скончался и Катков, Киреев записал в своем дневнике: «Аксаков и Катков были единственные люди, которые *со стороны*, не будучи в администрации, могли говорить царю правду. Они вдвоем могли приносить ту пользу, которую приносит на Западе вся честная пресса... План статьи о Каткове и Аксакове. Они считали себя противниками, но честь России обоим была дорога. Разница не в идеалах, а лишь в средствах достижения (земля дает совет – Аксаков; правительство само все сделает – Катков). За границей их считали близнецами... Но вот оба борца сошлись со сцены, сошел и их единомышленник Достоевский, кто же остался?» [17, л. 7 – 7 об., 392 об.].

Из этих сжатых тезисов, занесенных Киреевым в свой дневник в конце января 1886 г. и конце июля 1887 г., родилась развернутая статья «Катков и Аксаков» – статья программная и одна из ключевых в наследии Киреева, который теперь почувствовал себя единоличным лидером славянофильско-консервативного лагеря. В изданной в виде брошюры статье он попытался всячески подчеркнуть сходство и сгладить различие между Катковым и Аксаковым: «Политические и религиозные идеалы обоих были тождественны, в особенности относительно внешней политики... На основные условия могущества и жизни России они смотрели одинаково. И для того и для другого православие, органический союз государства и Церкви (зависимой исключительно от вселенских соборов), самодержавие, выражающее и осуществляющее народные стремления, были главнейшими условиями нашей нравственной и политической жизни» [18, с. 59–60].

Уделив внимание оптимистическому взгляду Аксакова на способность «земли» породить здоровые силы самоуправления в противовес пессимизму Каткова на этот счет, Киреев останавливался на вопросе о судебной реформе, от-

мечая попутно, что Аксаков «относился с большим доверием к самой жизни народа, нежели к „благодетельному“ влиянию петербургской канцелярии». Киреев формулировал различие между двумя мыслителями следующим образом: «Для исправления замеченных недостатков Катков требовал прямого, энергичного вмешательства самого правительства, не доверяя в этом отношении общественной инициативе. Аксаков, хотя тоже не сочувствовавший основаниям, на которых были построены судебная и городская реформы, так сильно отзывавшиеся западным лжелиберализмом, думал однако, что *при большей гласности*, за которую он стоял горой, несмотря на некоторые ее печальные проявления, само общество образумится и найдет в себе самой силы для исправления замеченных недостатков» [18, с. 60–61].

В завершение статьи Киреев снова усиленно подчеркивал сходство двух своих предшественников: «О многом они рассуждали одинаково, оттенок между ними один. Аксаков верит больше обществу, нежели правительству, Катков – наоборот, от этого и разница между ними во взглядах на приглашение сведущих людей, на совещание с обществом, с его представителями. Но оба они за православие, за народность, за самодержавие, за освобождение крестьян, оба враги парламентаризма, враги “интеллигентов”, адвокатов, мироедов». Киреев ссылаясь на слова самого Каткова: «Мы во многом расходились с Иваном Сергеевичем, но когда дело касалось чести и достоинства России, мы с ним были всегда единодушны!» – и восклицал: «Причина их силы, причина того влияния, которым пользовалось их слово, начиная с дворца и кончая хижинкой, заключается в том, что они говорили то, что думает русский народ, чего он желает, чему верит! Утешительно видеть, что учения эти настолько распространены, что могут без преувеличения считаться принятыми, усвоенными чуть не всем русским народом». «За границей вполне сознавали, что и Катков, и Аксаков – люди одного и того же направления», – отмечал Киреев в конце своей статьи [18, с. 61–63; 13, л. 199; 19, с. 103–106; 20, л. 9–10].

Еще ранее, в 1883 г., он размышлял: «Как иногда главные черты теряются за мелкими! Например, Аксаков и Катков считают себя противниками, а между тем и вся Россия, и в особенности весь славянский мир вполне понимают, что они служат тем же самым идеалам, преследуют те же самые цели (вера православная, народность, *классическое образование*, самодержавие)!» И в дальнейшем, в 90-е годы, Киреев просто повторял прежние мысли в более развернутом виде [17, 7 – 7 об., 235 об.; 21, л. 80 в].

Нельзя не согласиться с С.М. Сергеевым: «Киреев чересчур замазывает принципиальные противоречия между двумя столпами русского традиционализма, но то, что они оба относятся к одному идейному лагерю (хотя и к разным его флангам), он отметил совершенно верно» [22]. Однако те из поздних славянофилов, которые занимали более левые позиции, чем Киреев, восприняли его статью крайне негативно. Фигура Каткова была для них совершенно неприемлема, а охранительный консерватизм им был не менее чужд, чем западнический либерализм. В противовес Кирееву С.Ф. Шарапов писал, что «между Аксаковым и “консерватизмом” целая пропасть», и лишь либеральная пропаганда может злонамеренно их отождествлять. Шарапову вторил О.Ф. Миллер, испытывавший к Каткову ненависть и переносивший ее на Киреева [23, 24].

Представители правого крыла позднего славянофильства (В.И. Ламанский, Д.А. Хомяков) тоже поспешили отмежеваться от наследия Каткова. Лишь Ю.Н. Говоруха-Отрок полностью поддержал позицию Киреева [25; 26, с. 208; 27, с. 214]. С другой стороны, последователи Каткова, например В.А. Грингмут, обвиняли Аксакова в склонности к либерализму. По этой причине Кирееву в 1891 г. пришлось защищать Аксакова от нападок Грингмута и решительно заявить: «Мы не забыли ни его учений, ни учений наших общих с ним предшественников, мы знаем, что между его либерализмом и либерализмом западноевропейским – целая пропасть!» [28, с. 44; 20, л. 115 об.].

Наконец, вопрос о позиции К.Н. Леонтьева, не раз сравнивавшего Киреева с Аксаковым, уже затрагивался нами ранее, поэтому здесь мы ограничимся констатацией того факта, что оптинскому мыслителю первый был намного ближе второго, но, тем не менее, прибегая к обобщениям крупного масштаба, он был вынужден относить даже Киреева к «обыкновенным либеральным славянофилам» «аксаковского стиля» [29, с. 60–61].

Впрочем, Киреев хотел не столько скрыть или замолчать различия между Катковым и Аксаковым, сколько синтезировать их позиции, основываясь на том общем, что было у них, а в случае расхождений – выбирая ту позицию, которая была ближе самому Кирееву. Своим долгом он считал быть глашатаем и пропагандистом этого консервативного синтеза. Киреев писал: «Долг этот лежит на мне *теперь* более, нежели прежде, когда живы были Катков и Аксаков, пишу это не как самозванец, но и не хвастаясь. Конечно, у меня нет и малой части их публицистического таланта, но я стоял к ним обоим очень близко, и *более кого бы то ни было*

могу быть представителем их идей: я вполне уверен, что то, что написано мною... они *оба* подписали бы *обеими* руками!» [30, л. 5]. Разумеется, очевидно, что и Катков, и Аксаков одобрили бы лишь часть написанного Киреевым; но само его устремление делать акцент на единстве вождей двух направлений русского консерватизма, синтезировать их учения лишней раз свидетельствует о масштабности и оригинальности самого Киреева как выдающегося представителя русской общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX века.

Примечание

1. Национальная партия (искаж. франц.), партия москвитов (искаж. англ.), старые русские (нем.) и так далее (лат.).

Список литературы

1. Киреев А.А. Первое октября // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1883. №1. С. 7–19.
2. Дневник А.А. Киреева (1869–1876 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6.
3. Письма Н.А. Киреева О.А. Новиковой (1859–1863 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3611а. Д. 42. Л. 2.
4. Письма И.С. Аксакова А.В. Киреевой (1862 г.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 8337б. Д. 3. Л. 1–2.
5. Дневник А.А. Киреева (1861–1863 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1.
6. Дневник А.А. Киреева (1864–1865 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2.
7. Дневник А.А. Киреева (1865–1866 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3.
8. Дневник А.А. Киреева (1867–1868 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 4а.
9. Дневник А.А. Киреева (1868–1869 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 5.
10. Письма А.А. Киреева Ф.Д. Самарину // ОР РГБ. Ф. 265. П. 190. Д. 32.
11. Дневник А.А. Киреева (1876–1877 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7.
12. Дневник А.А. Киреева (1878–1881 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8.
13. Дневник А.А. Киреева (1881–1884 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9.
14. Письма А.А. Киреева И.С. Аксакову (1885 г.) // ОР РНБ. Ф. 14. Д. 172.
15. Дневник А.А. Киреева (1884–1887 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10.
16. Письма И.С. Аксакова О.А. Новиковой (1870–1876 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 8337б. Д. 1.
17. Дневник А.А. Киреева (1887–1894 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.
18. Киреев А.А. Катков и Аксаков // Киреев А.А. Соч. в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 59–63.
19. Киреев А.А. Славянофильство и национализм // Киреев А.А. Соч. в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 93–107.
20. Письма А.А. Кирееву С.А. Петровского (1889–1895 гг.) // Ф. 224. К. 1. Д. 64.
21. Дневник Л.А. Тихомирова (1900–1901 гг.) // ГАРФ. Ф. 634. Д. 8. Л. 80в.
22. Сергеев С.М. Проблема позднего славянофильства [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». 03.10.2009. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (дата обращения: 06.03.2016).
23. Миллер О.Ф. Спускала ли «Русь» нашим «консерваторам» (По поводу первых номеров «Русского дела») // Московский сборник из произведений М.Д. Скобелева, И.С. Аксакова, В.С. Соловьёва, О.Ф. Миллера, А.А. Киреева, А.М. Кояловича, П.И. Аристова и других / Под ред. С.Ф. Шарапова. М., 1887. С. 79–91.
24. Миллер О.Ф. Славянофилы и Катков // Славянофильство: pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей: Антология. СПб., 2006. С. 448–451.
25. [Говоруха-Отрок Ю.Н.] По поводу брошюры А.А. Киреева [«Славянофильство и национализм»] // Московские ведомости. 1890. 28 января (№ 28). С. 3–4.
26. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. М., 2005. 464 с.
27. Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1888. № 4–5. С. 203–235.
28. Киреев А.А. Письмо к издателю // Славянские известия. 1891. № 3 (20 января). С. 43–44.
29. Медоваров М.В. А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... к.и.н. М., 2013. 357 с.
30. Письма А.А. Киреева королеве элинов Ольге Константиновне // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3604. Д. 15.

ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN IVAN AKSAKOV AND ALEXANDER KIREEV

M. V. Medovarov

In this article, we examine personal relations between Ivan Aksakov and Alexander Kireev, the recognized leaders of the «middle» and late Slavophilism. The question of the time of their acquaintance is discussed. Special attention is given to Aksakov's influence on young Kireev who turned to the Slavophil doctrine in 1860s. The stages of the further rapprochement between the two thinkers in the years of «Shuvalovshchina», Balkan Crisis, Russo-Turkish war and the revolutionary terror at the end of Alexander II's rule, as well as the differences between them in the era of «Rus» (1880–1886) are also analyzed. Kireev's constant attempts to synthesize the teachings of Ivan Aksakov and Mikhail Katkov are considered, along with the criticism of such attempts on the part of his right-wing companions.

Keywords: Ivan Aksakov, Alexander Kireev, Mikhail Katkov, Olga Novikova, «Rus'», slavophilism, liberalism, conservatism.

References

1. Kireev A.A. Pervoe oktyabrya // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. 1883. №1. S. 7–19.
2. Dnevnik A.A. Kireeva (1869–1876 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 6.
3. Pis'ma N.A. Kireeva O.A. Novikovoj (1859– 1863 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 2. P. 3611a. D. 42. L. 2.
4. Pis'ma I.S. Aksakova A.V. Kireevoj (1862 g.) // OR RGB. F. 126. Op. 2. P. 8337b. D. 3. L. 1–2.
5. Dnevnik A.A. Kireeva (1861–1863 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 1.
6. Dnevnik A.A. Kireeva (1864–1865 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 2.
7. Dnevnik A.A. Kireeva (1865–1866 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 3.
8. Dnevnik A.A. Kireeva (1867–1868 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 4a.
9. Dnevnik A.A. Kireeva (1868–1869 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 5.
10. Pis'ma A.A. Kireeva F.D. Samarinu // OR RGB. F. 265. P. 190. D. 32.
11. Dnevnik A.A. Kireeva (1876–1877 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 7.
12. Dnevnik A.A. Kireeva (1878–1881 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 8.
13. Dnevnik A.A. Kireeva (1881–1884 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 9.
14. Pis'ma A.A. Kireeva I.S. Aksakovu (1885 g.) // OR RNB. F. 14. D. 172.
15. Dnevnik A.A. Kireeva (1884–1887 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 10.
16. Pis'ma I.S. Aksakova O.A. Novikovoj (1870–1876 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 2. P. 8337b. D. 1.
17. Dnevnik A.A. Kireeva (1887–1894 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 11.
18. Kireev A.A. Katkov i Aksakov // Kireev A.A. Soch. v 2 t. SPb., 1912. T. 2. S. 59–63.
19. Kireev A.A. Slavyanofil'stvo i nacionalizm // Kireev A.A. Soch. v 2 t. SPb., 1912. T. 2. S. 93–107.
20. Pis'ma A.A. Kireevu S.A. Petrovskogo (1889–1895 gg.) // F. 224. K. 1. D. 64.
21. Dnevnik L.A. Tihomirova (1900–1901 gg.) // GARF. F. 634. D. 8. L. 80v.
22. Sergeev S.M. Problema pozdnego slavyanofil'stva [Elektronnyj resurs] // Obrazovatel'nyj portal «Slovo». 03.10.2009. – Rezhim dostupa: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (data obrashcheniya: 06.03.2016).
23. Miller O.F. Spuskala li «Rus'» nashim «konservatoram» (Po povodu pervyh numerov «Russkogo dela») // Moskovskij sbornik iz proizvedenij M.D. Skobeleva, I.S. Aksakova, V.S. Solov'eva, O.F. Millera, A.A. Kireeva, A.M. Koyalovicha, P.I. Aristova i drugih / Pod red. S.F. Sharapova. M., 1887. S. 79–91.
24. Miller O.F. Slavyanofily i Katkov // Slavyanofil'stvo: pro et contra: Tvorchestvo i deyatelnost' slavyanofilov v ocenke russkikh myslitelej: Antologiya. SPb., 2006. S. 448–451.
25. [Govoruha-Otrok Yu.N.] Po povodu broshyury A.A. Kireeva [«Slavyanofil'stvo i nacionalizm»] // Moskovskie vedomosti. 1890. 28 yanvarya (№ 28). S. 3–4.
26. Homyakov D.A. Pravoslavie, samodержavie, narodnost'. M., 2005. 464 s.
27. Lamanskij V.I. Otkrytyj otvet generalu Kireevu // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. 1888. № 4–5. S. 203–235.
28. Kireev A.A. Pis'mo k izdatelyu // Slavyanskije izvestiya. 1891. № 3 (20 yanvarya). S. 43–44.
29. Medovarov M.V. A.A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: Dis. ... k.i.n. M., 2013. 357 s.
30. Pis'ma A.A. Kireeva koroleve ehllinov Ol'ge Konstantinovne // OR RGB. F. 126. Op. 2. P. 3604. D. 15.